

ЭДУАРД ПОЛЯКОВ

ЖЕЛАННАЯ

РАССКАЗ

Нет бы её забыть...

И не выходит. Мчатся годы. Сменяется век, обновляя целое тысячелетие.

И в этом другом тысячелетии в памяти вдруг оживёт образ девочки-подростка из далёкого города Омска.

Пушкин в стихотворении “Осень” заметил: “Жива ещё сегодня — завтра нет”. И вот уже Риты нет на свете, а я закрываю глаза и вижу её жгучие карие глаза, густые чёрные волосы, заплетённые в тугую косу с резиночкой от велосипедной камеры в хвостике и влажные тонкие губы, которые поцеловал когда-то, обжёгши первым в её жизни поцелуем.

Почему-то так бывает. Живёт человек своей жизнью. Встречаются ему люди. Нахлынут события. Радуетя человек и грустит. Жизнь его идёт. И всегда остаётся он с нею один на один. И продолжается она на земле почему-то независимо от того, кто и что в ней существует.

Сегодня существует одно поколение. Завтра другое. И дальше пойдёт она, когда по её непреложным законам нас уже не будет на свете.

Познакомились мы с Ритой в Одессе. Выдали мне как студенту автотранспортного техникума и активисту мужской агитбригады “Оптимист” через студенческий профсоюз путёвку в одесский санаторий “Юность”.

Ездили краснорубашечники-агитбригадчики по соседним с Московской областям. Агитировали, чтобы советские школьники, выучившись до восьмого

ПОЛЯКОВ Эдуард Николаевич родился в 1969 году в посёлке Тучково Московской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Кандидат филологических наук. Работает в музее-заповеднике “Коломенское”. Живёт в Москве. В журнале “Наш современник” печатается не впервые.

или десятого класса, приходили учиться в наш автотехникум. Читали стихи на сцене. Вспоминали здесь и героические события Великой Отечественной. Словом, были достойной молодой гвардией советских автомобилистов. Агитировали хорошо. В техникум поступать молодёжи приходило много. За это и поощрили одного третьекурсника.

Отправился я поездом из Москвы в Одессу в 1986 году. Давно это было. Теперь уже нет никакого санатория “Юность”. Одесса другая. Заграница теперь. Чужая страна. Новые люди.

Но кусочек жизни в этом удивительном, солнечном и тёплом городе навсегда останется на маленькой планете — в моём сердце.

Московский поезд пришёл вечером. Смеркалось. Я вышел на улицу у Московского вокзала с чемоданчиком в руке и спросил у бабули, засыпающей из стеклянного гранёного стаканчика семечки своим покупателям в газетные кульки, как мне найти свой санаторий.

Бабуля продала мне сначала кулёк семечек за 15 копеек, а потом махнула рукой в сторону трамвайных путей и сказала, что мне ходить “тудой”.

И тут я увидел её.

Она стояла на ступеньках поодаль от меня с небольшим коричневым чемоданом в руках. Смотрела на меня и застенчиво улыбалась в свете зажигающихся уличных фонарей. Я исподлобья поглядел на неё. Точно не из Москвы. А приехала, видать, тем же поездом. Худенькая. В тоненьком летнем платьице. Босоножки. Ну, и чемоданище!..

Я уже было двинулся в путь, когда она шагнула вниз со ступенек и окликнула меня:

— Мальчик, стой!

Потом уже я догадался, почему она меня назвала мальчиком. Был я невысокого роста. Коротко острижен. В футболке и шортах. И совершенно не подходил под обращение “молодой человек”.

Пришлось остановиться. После своего: “Постой, а?” — она с радостной улыбкой заспешила ко мне.

— Ты, случайно, не в санаторий “Юность”? Пойдём вместе! Мне тоже туда. Ладно?

Ладно так ладно. Мы пошли искать дорогу вместе. “Чемоданчик” её перекочевал, естественно, ко мне. И она всё время забегала вперёд и спрашивала, не тяжело ли мне его нести!..

Мы сели на кругу в подошедший трамвай. Она представилась. Маргарита. Из Омска. Также по путёвке из медицинского училища. Учителя на фельдшера. Мы ехали до какой-то станции. Люди подсказывали, где нам выходить.

За невысоким прозрачным забором с металлической калиткой на входе, прячущийся в тени деревьев и кустарников, показались двухэтажные корпуса молодёжного санатория. Столовая. Клуб. Стадиончик с лавочками вместо трибун. Аллейки. Скамеечки.

Оформлялись в первом корпусе. Дежурная медсестра посмотрела наши путёвки. Записала что-то в толстый журнал.

— Ну, гагарочки мои, с приездом! Сейчас вас разведу по палатам. Девочки у нас во втором корпусе. Мальчишки в третьем. Получите бельё постельное. Кроватки заправляйте. И поспите. А потом придёт главврач Вебер и оформит вас как положено. Выдаст санаторные книжки. Будете процедуры проходить. Санаторий у нас хороший-хороший! Всех выльчим! Ребяток много. Со всех концов Советского Союза. Море тёплое. Солнце жгучее. Накупаетесь. Назагораются. Отдохнёте. И по домам! Учитесь! Грызть кавун науки! Добре, хлопцы, добре!

Я проводил Риту до её корпуса и пошёл в свой. В двухместной комнате было пусто. Разложил вещи. Умылся. Медсестра принесла чистое постельное бельё. Заправив кровать, я плюхнулся на пружины, заложив руки за голову. Сквозь окно пробивался свет ночного уличного фонаря. Над ухом нудел залетевший через открытую форточку комар. Так начиналось моё первое знакомство с Одессой. Какая ты, Одесса? Увижу ли всю твою красоту? Что ты за чудо? Почувствовать бы!..

Наутро после подъёма все пошли на завтрак. Сонные ребята выползали из своих палат. Но улыбались. Утро было солнечное. Яркие лучи южного горячего солнца слепили, пробиваясь сквозь густую листву деревьев. Значит, сегодня погода будет что надо — самая курортная.

Она подседа ко мне за столик с бутербродом и стаканом какао на подносе.

— Ты тоже кашу есть не стал? Ой, обожглась! Горячий очень! Подожду...

— А ты возьми блюдечко...

Она махнула рукой.

— Не-е. Не люблю я из блюдечка. Да ещё какао. Его надо из стакана пить.

Я уже пошел чая. Хотел встать и идти к главврачу.

— Подожди. Давай, когда оформимся, по городу с тобой погуляем?

— Как это погуляем? А процедуры? Я прочитал тут перед входом в столовку объявление, что здесь санаторный режим и его надо соблюдать.

— Ну и что? А мы, как у нас в медучилище, получим свои книжки-зачётки и будем проходить процедуры. Вроде бы. А сами — в город. Я так хочу мороженого! Пломбир с сиропом. Знаешь, как вкусно? Мне девочки сказали — здесь рядышком кафе. Главное, чтобы нам зачёт... Ой, галочку поставили, что процедура пройдена. Я постараюсь договориться. Девочки говорят — можно.

Так мы и бегали по Одессе...

Ели в ближайшем кафе вкусняшные белые шарики пломбира в железных шпалах с разноцветными фруктовыми сиропами, запивая мороженое горячим чёрным кофе. Спускались и поднимались по бесконечно длинной Потёмкинской лестнице. Отметились своим визитом на знаменитой Дерибасовской улице. Обошли кругом знаменитый Оперный театр. Любовались скульптурой Лаокоона, борющегося со змеями.

Город поражал своей зеленью, тенистыми аллеями, многолюдными пляжами, усыпанными отдыхающими. Лето. Дети. Солнце. Море. Юность.

Мы с Риткой подружились. Мне в ней понравилось то, что она совсем была непохожа на моих младших сестёр. С моими предложениями по прогулкам соглашалась сразу и добавляла немного к моей очередной затее от себя. Я с радостью взял на себя роль лидера. Однако с большой радостью принимал и многие её задумки. Нам было очень хорошо вместе.

В санатории дни побежали за днями. В клубе силами ребят организовали молодёжный концерт. Мне как агитбригадчику не составило большого труда выучить по ролям стихи и одну песню под гитару. Рита взялась выступать со мной в дуэте. Почему её выбор пал именно на такой номер, исполнять который я сразу согласился, сейчас уже не узнать. Но тогда у нас хорошо получилось. Мы даже стали победителями импровизированного конкурса номеров.

Начиналась наша музыкально-поэтическая композиция со стихов. Мы с Марго выходили на середину сцены. У меня в руках гитара. Твёрдым голосом я начинал декламировать:

— *Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетаясь ветвями, —
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастёт на сердце рана —
Прольётся чистыми слезами,
Не зарастёт на сердце рана —
Прольётся пламенной смолой.*

Она складывала руки за спиной и, высоко поднимая голову к потолку, беллаахмадулинским голосом из шукшинского фильма “Живёт такой парень”, который недавно крутили в клубе, произносила свою часть:

— *Пока жива, с тобой я буду —
Душа и кровь неразделимы, —
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоём.
Ты понесёшь с собой, любимый,
Ты понесёшь со собой повсюду,
Ты понесёшь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.*

Мы продолжали наш стихотворный диалог. В финале её голос был высоко взволнованным. Она взяла за руку меня своей дрожащей рукой. Я крепко сжимал её руку, тоже волнуясь, и мы почти выкрикивали по очереди:

*С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них, —*

И завершали вместе:

*И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!*

Мы специально так построили номер, чтобы уйти тихо, а не под аплодисменты. Поэтому, сразу после стихов, начали исполнять дуэтом песню “Мой костёр в тумане светит”.

Успокоив свои эмоции и эмоции зрителей, мы плавно ушли со сцены под слова куплета:

— *Мой костёр в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.*

И вот на опустевшей сцене уже гремели аплодисменты и ребячьи крики “Браво!” Мы вышли поклониться. И улыбались. Как двое глупеньких и счастливых дурачков...

Однажды вечером после ужина, когда я гонял с ребятами на стадиончике в футбол, Рита подозвала меня и предложила:

— Давай убежим сегодня к морю?

— Как это?

Ребята из нашей команды уже толкали меня — чтоб я играл. Нам только что забили гол.

— Убежим ночью. Будем смотреть на звёзды и слушать море.

Ребята стали толкать ещё сильнее. Я быстро согласился. И побежал отыгрываться.

После отбоя, когда совсем стемнело, мы выбрались через окошки на улицу и, очутившись на воле, побежали в условленное место.

Встретились на трамвайной остановке. Мне пришлось её немного подождать. В девичьем корпусе медсестра принимала новенькую из Тюмени. Ритка дожидалась, пока та уйдёт.

Поймали такси с зелёным огоньком. И, спустя какие-то полчаса, очутились на берегу сонного моря.

Тихая волна ласкала песчаный берег. В небе мерцали бесконечные и далёкие звёзды. Рассыпался наискосок туманный Млечный Путь.

Я принялся разводить костерок, а она сняла босоножки и зашла в воду.

— Ой, смотри, Лёшка, какая прелесть!

Я подбежал к ней. И увидел, как у её ног, которыми она взбаламучивала воду у берега, то и дело зажигались светящиеся ярко-зелёные огоньки.

— Что это? — спросил я.

— Морские светлячки. Чудо, правда? Видишь, море какое разное. Днём одно. Ночью совсем другое. Это такая тайна... В нём столько всего интересного. Я читала.

Пошли к костру. В его волнующем свете появился вдруг на песке путешествующий по берегу огромный богомол. Важно посучил своими дирижёрскими лапками и отправился дальше.

Мы читали стихи. Пели с ней хорошие пионерские песни. Смеялись. А потом я поцеловал её. В тонкие влажные губы. И обнял. Она вдруг задрожала. Прижалась ко мне крепче.

— Чего ты? Плохо это?

— Не знаю. Трясёт чего-то.

— Замёрзла?

— Да нет... Волнуюсь... От этого...

— Я больше не буду.

— Нет. Давай я сама.

И она прильнула с закрытыми глазами к моим губам и сжатыми от волнения губами неуклюже сама поцеловала меня. Какое-то время сидели молча. Обдумывали происшедшее. Костерок погас. Только тлело в золе несколько слабых угольков.

— Я так счастлива, что мы с тобой в эту ночь здесь, у моря. Спасибо тебе за это.

Я смутился.

— Да ладно. В палате всё равно скучно. А тут — столько приключений! Нам ведь ещё возвращаться надо.

— Давай немного пройдемся вдоль берега пешком. И встретим рассвет. Только можно, я возьму тебя под ручку?

Шли вдоль прибоя. Время от времени нам навстречу попадались влюблённые пары, которые с понимающим видом улыбались, глядя на двух глупых влюблённых подростков.

Потом поднялись по одной из лестниц на бульвар и пошли по благоухающей зелению Одессе к своему санаторию. Рассветало. Мы были самые счастливые люди на свете.

* * *

В день её отъезда в палату ко мне забежал новенький — сосед по комнате Игорёк из Ворошиловграда.

— Ритка-то книжку санаторную уже сдала и уехала по-тихому в аэропорт.

Я опешил.

— Как уехала?

— Сам видел! А у тебя на завтра билет?

Я так был смущён и удивлён, что не ответил.

— Как же так? Не простилась даже...

— А чего прощаться? Ты ей кто? Я ей кто? Пацаны случайные. Хотя красивая...

Меня это не убедило.

— Гарик, в аэропорт поедешь со мной?

— Поехали!

Мы сели в рейсовый красный “Икарус” и поехали в аэропорт искать Ритку. Было не по себе. Тоскливо. Тревожно. Обидно. Даже адреса не оставила. А вдруг не успеем? И она улетит. И я больше никогда её не увижу.

Мне так хотелось ещё хотя бы раз увидеть эти озорные добрые глаза и сказать ей несколько прощальных слов.

В зале ожидания я сразу увидел её. Она сидела с опущенной головой на скамейке в зале ожидания рядом со своим чемоданом. Растерянная. Заплаканная. Я окликнул её:

— Ритка!

Она подняла на мой голос заплаканные глаза.

— Мальчики!!!

Бросилась мне на шею, обняла крепко, прижавшись всем телом ко мне. Я гладил её дрожащее плечико и, сжимая крепко зубы, рывками вдыхал удрушительный воздух зала ожидания. Гарик молча стоял рядом и гладел на нас.

Прошло какое-то время, пока мы пришли в себя. Потом я спросил:

— Чего ж ты не сказала, что уезжаешь?

— Да вот, подумала — чего навязываться опять? Приехали вместе. Уеду сама. Без помощника.

— Эх, ты! А ещё друг называется! Даже адреса не оставила...

— Простите, ребята...

Её рейс задерживался. Мы пили кофе с булочками в буфете. Ритка смеялась. Осчастливили мы её. Отдала свёрнутый квадратиками в несколько слоёв листочек с записанным на нём ещё в санатории адресом.

Перед уходом на регистрацию, пожав руку Гарика, посмотрела на меня. Положила обе руки мне на шею и шёпотом попросила:

— Лёшенька, Лёличек мой родной, поцелуй меня. На прощанье. В щёчку.

Я поцеловал.

Она подняла свой чемодан. Махнула рукой. И ушла, не оборачиваясь.

На следующий день улетал из Одессы и я.

Потом мы писали друг другу письма. Пять писем Маргарите Желанной в Омск написал я. И пять писем пришло в Москву на мой адрес из Омска. Четыре от Риты. А одно, короткое, от её мамы.

Она просила больше не писать Риточке, потому что Риты больше нет. Она ушла. Лежала в больнице. Врачи пытались сделать всё возможное. Ах, как бы я был счастлив, если бы её мама меня обманула, и Рита оказалась жива.

Но она ушла. Нет бы мне её забыть... А не получается. Спустя тридцать лет смотрю на старую чёрно-белую фотографию, на которой ребята из санатория "Юность" расположились фотографироваться после посещения знаменитых одесских катакомб. Единственная наша совместная с Ритой фотография. Я сижу на корточках, а она стоит рядом, положив мне руку на плечо.

Глажу загоревшими пальцами её милое личико и тихо шепчу:

— До свиданья, Ритка, желанный мой друг.